ВЕДЕТСЯ ИССЛЕДОВАНИЕ

Е.Ю. Скарлыгина, канд. филол. наук, доцент кафедры литературно-художественной критики и публицистики факультета журналистики МГУ им. М.В. Ломоносова

ТРЕТЬЯ РУССКАЯ ЭМИГРАЦИЯ В КОНТЕКСТЕ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЫ 1960—1980-х ГОДОВ И КУЛЬТУРЫ РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ

Статья посвящена связям русской неофициальной культуры 1970—80-х годов с культурой русской эмиграции. Автор рассматривает вклад «третьей волны» эмиграции в русскую культуру XX века.

Ключевые слова: *русская эмиграция, «третья волна», русская культура.*

This article is devoted to connections of russian non-official culture of 1970—80 years with culture of russian emigration. The author provides analysis of the «third wave» of emigration achievements and its contribution to russian culture of the XX century.

Key words: *russian emigration, the «third wave», «Kontinent», russian culture.*

На фоне огромного числа монографий и статей, посвященных культуре русского зарубежья, бросается в глаза преобладание работ, в которых исследуется первая, послереволюционная волна русской эмиграции. Так сложилось исторически — и тому есть объективные причины, связанные с поистине великим вкладом литераторов, философов, историков и деятелей искусства послереволюционной эмиграции в сокровищницу национальной культуры. Что же касается «третьей волны», то она по-прежнему занимает в исследованиях абсолютно маргинальное положение, а в совокупности, как целостное явление, до сих пор мало изучена. Достаточно сказать, что не существует ни одной обобщающей монографии на эту тему[1], что в девяти выпусках альма-

[1] Можно назвать лишь несколько учебных пособий: *Зубарева Е.Ю.* Проза русского зарубежья (1970—1980-е годы). В помощь преподавателям, старшеклассникам и абитуриентам. М.: Изд-во МГУ, 2000; *Ланин Б.А.* Проза русской эмиграции (третья волна): пособие для преподавателей лит. М.: Новая шк., 1997; Литература русского зарубежья (1920—1990): Учеб. пособие / Под общ. ред. А.И. Смирновой. М.: Флинта: Наука; 2006; *Тихомирова Е.В.* Проза русского зарубежья и России в ситуации постмодерна. М.: Народный учитель, 2000.

наха «Диаспора» отсутствуют публикации, связанные с «третьей волной», что энциклопедический справочник «Литературное зарубежье России», подготовленный в ИНИОН РАН и изданный в 2006 г., полностью игнорирует третью русскую эмиграцию.

Вспомним, как много писала российская пресса в конце 1980-х гг. об эмигрантах «третьей волны», как часто брали у них интервью, приглашали на читательские встречи, какими огромными тиражами издавались их произведения. В начале 1990-х сложилась весьма парадоксальная ситуация: отъезд в эмиграцию стал изображаться в нашей печати как особая доблесть, а эмигранты подавались как фигуры более значимые для русской культуры, чем те, кто оставался на родине (и даже лучшие из них — такие, как В. Астафьев, В. Шукшин, А. Битов, Б. Окуджава, Ю. Трифонов, Ф. Искандер).

В так называемые «нулевые» годы об эмигрантах «третьей волны» практически не пишут и не говорят; широкий интерес к ним угас, и рассуждать имеет смысл лишь об известности отдельных фигур. Скажем, И. Бродский и С. Довлатов обрели после смерти статус классиков, о них уже написаны диссертации и монографии. Василий Аксенов и Владимир Войнович (живущие на два дома, постоянно приезжающие в Москву) воспринимаются как современные писатели, давно присутствующие в литературном процессе. Что же касается произведений Вик. Некрасова, А. Галича, Н. Коржавина, А. Синявского, Г. Владимова, Юза Алешковского, Саши Соколова, то они по праву осознаются как неотъемлемая часть русской литературы XX в., которая по чисто идеологическим причинам находилась два десятилетия под запретом, а теперь полностью вернулась к отечественному читателю. Русской культуре, вытесненной в 1970—1980-е гг. в подполье и на Запад, «запасная площадка» эмиграции больше не нужна. Однако не стоит забывать, что роль такой запасной площадки была весьма значительна, а порой и спасительна.

В известной речи «Миссия русской эмиграции», произнесенной в Париже 16 февраля 1924 г., И. Бунин говорил: «Мы так или иначе не приняли жизни, воцарившейся с некоторых пор в России, были в том или ином несогласии, в той или иной борьбе с этой жизнью и, убедившись, что дальнейшее сопротивление наше грозит нам лишь бесплодной, бессмысленной гибелью, ушли на чужбину. <...> Сотни тысяч из нашей среды восстали вполне сознательно и действенно против врага, ныне столицу свою имеющего в России, но притязающего на мировое владычество, сотни тысяч противоборствовали ему всячески, в полную меру своих сил... <...> Поистине действуем мы от имени России подъяремной, страждущей, но все же не до конца покоренной»[2]. Полвека спустя позиция Бунина оказалась мировоззренчески очень близка представителям старшего поколения третьей эмиграции: их целью стало разоблачение коммунистической идеологии,

---

[2] *Бунин И.* Миссия русской эмиграции // Русская идея: В кругу писателей и мыслителей русского зарубежья: В 2 т. М.: Искусство, 1994. Т. 1. С. 202—203, 204.

все та же убежденная и настойчивая борьба с мировой экспансией коммунизма. У многих из них был собственный, биографический опыт политических репрессий со стороны КГБ: А. Синявский отсидел 7 лет в лагере; А. Солженицын (который открещивался от третьей эмиграции, но исторически ей принадлежал) также прошел тюрьму и лагерь, был насильственно выслан с родины. А. Галича, В. Максимова, В. Некрасова, А. Зиновьева, В. Войновича, Г. Владимова власти изощренно травили и откровенно «выдавливали» из страны. «Третью волну» эмиграции неслучайно называют еще и «диссидентской». Имена В. Буковского, А. Амальрика, А. Гинзбурга, Э. Кузнецова, В. Чалидзе, П. Литвинова и многих других правозащитников не менее важны в общем контексте третьей эмиграции, чем собственно писательские или поэтические, да и большинство диссидентов считали себя литераторами[3].

Сегодня эмиграция «третьей волны» почти не осознается как некое целое, как человеческое и творческое сообщество. Между тем в середине 1970-х, когда А. Солженицын и В. Максимов, А. Синявский и Вик. Некрасов, А. Галич и Н. Коржавин вместе участвовали в создании первых номеров журнала «Континент», это чувство единства, ощущение общей судьбы, безусловно, существовало. Осенью 1974 г. В. Максимов подчеркивал в одном из личных писем: «Что же касается нашего журнала, то нам не до авантюр. Вокруг него собрались серьезные люди с серьезными намерениями и столь же серьезными именами. Для нас это дело жизни, а не попытка самоутвердиться. У членов нашей редколлегии достаточно почетный возраст и широкая мировая известность (от Солженицына и Сахарова до Ионеско и Силоне), чтобы отдавать себе отчет, под чем они подписываются»[4]. Год спустя редактор «Континента» писал Роману Гулю от имени сплоченного «мы»: «Поймите же наконец, многоуважаемый Роман Борисович. Наш журнал спокойно будет существовать самостоятельно, что бы о нем ни говорили в нынешней эмигрантской среде. Повторяю, у нас достаточно для этого авторитета внутри России (беззаветность Сахарова и шесть с половиной лет каторжных лагерей Синявского чего-нибудь да стоят!), а также профессиональной репутации (большинство из нас имеет серьезного и стабильного читателя, как на родине, так и за рубежом). Мы делаем журнал в основном не для эмиграции, а для России и Восточной Европы и уже получаем огромное число откликов оттуда»[5].

Значимость идеологической составляющей в среде всех волн русской эмиграции представляется совершенно естественной: культурное противостояние советскому режиму было тесно связано с по-

---

[3] См.: Писатели-диссиденты. Биобиблиографические статьи // НЛО. № 66—68.

[4] Из архива журнала «Континент». Публикация, вступительная заметка и комментарии Е. Скарлыгиной // Континент. 2006. № 129 (3). С. 285.

[5] Континент культуры. Из архива журнала «Континент». Вступительная заметка, публикация и комментарии Е. Скарлыгиной // Вопросы литературы. 2007. № 2. С. 322.

литическим. Разумеется, здесь были свои крайности. Известная фраза Б. Поплавского о «политиканском терроре эмигрантщины» и засилии политики в ущерб литературе в равной мере относится и к представителям «третьей волны». К идеологическим распрям интеллигенции дореволюционной России (которые продолжились в среде эмигрантов «первой волны») добавился идейный раскол интеллигенции послесталинского, «оттепельного» СССР. Те, кто в СССР совместно и убежденно боролись против «софьи власьевны» и «галины борисовны», в эмиграции зачастую оказывались по разные стороны баррикад. Ни о каком единстве «третьей волны», особенно в ее политическом изводе, не могло быть и речи. И это тем более поразительно, что необходимость борьбы за освобождение России от тоталитарного коммунистического режима признавали в равной мере все: от А. Солженицына и В. Максимова — до В. Чалидзе, П. Литвинова, Б. Шрагина и К. Любарского.

Принято говорить даже об излишней политизированности третьей русской эмиграции, создававшей по преимуществу социально направленные тексты. Весьма показательно, что в докторской диссертации Н. Хрусталевой «Психология эмиграции» среди основных характеристик представителей «третьей волны» под номером один значится: «Идеологизация жизненных целей и политизированность ценностных ориентаций эмигрантов»[6]. Действительно, старшее поколение (В. Максимов, А. Галич, Вик. Некрасов, Н. Коржавин, А. Зиновьев, В. Войнович) во главу угла ставило общественную значимость текста, его идейную составляющую. Однако младшие — Саша Соколов, А. Хвостенко, А. Волохонский, А. Цветков, И. Бурихин, Э. Лимонов (как поэт), Дм. Савицкий, Ю. Милославский были заняты по преимуществу вопросами формы, стиля и языка. В эстетическом плане «шестидесятники» — и более младшие, особенно те, кто вырос в среде неофициальной культуры (от московских «смогистов» до ленинградского «андеграунда»), — отошли друг от друга довольно далеко. Младшие ставили перед собой по преимуществу эстетические, творческие задачи и уезжали в эмиграцию главным образом для того, чтобы обрести читательскую аудиторию, иметь возможность печататься. Это было уже не изгнание, а собственный выбор.

Касаясь вопроса о политизации, пагубной для настоящей литературы, Василий Аксенов подчеркивал на одном из эмигрантских форумов: «Увы, диссидентщина — это не литература. Политическое диссидентство — это еще не критерий художественности. <...> Говоря о литературе соцреализма как о литературе графоманов, мы все-таки должны и вокруг себя оглянуться: как бы не возникло нечто противоположное, но похожее. Советская литература рождает антисоветскую литературу, которая иной раз выглядит, как ее зеркальное отражение. Я бы сказал, что истинная единая русская лите-

---

[6] *Хрусталева Н.С.* Психология эмиграции: Дис. ... докт. психол. наук. СПб., 1996. С. 96.

ратура — это и не советская, и не антисоветская, но внесоветская литература»[7].

Разумеется, абсолютного поколенческого единства не было и среди «шестидесятников», однако нельзя не заметить, что даже ирония и гротеск в произведениях Вас. Аксенова, А. Синявского, В. Войновича и Юза Алешковского несли профанное, разоблачительное начало по отношению к советскому штампу и коммунистической догме. Младшее же поколение (и прежде всего поэты!) в составе третьей эмиграции уже получило на родине прививку «второй», неофициальной культуры и было в эстетическом плане более свободным. Сравним, к примеру, граждански окрашенную лирику Александра Галича, Наума Коржавина, религиозные мотивы Ю. Кублановского, Дм. Бобышева — и авангардную, игровую, экспериментальную поэзию И. Бурихина, А. Волохонского, Е. Мнацакановой, А. Хвостенко. Перед нами совершенно разные поэтические традиции, иная работа с рифмой и с ритмом, со словарем.

Известны и не раз описаны примеры вражды, взаимной подозрительности между представителями первой (послереволюционной) и второй (послевоенной) эмиграций. С появлением на Западе «третьей волны» межпоколенческий раскол в среде русской эмиграции (как в Европе, так и в США) только усилился. Достаточно вспомнить об ожесточенных конфликтах между С. Довлатовым — и Андреем Седых, между Э. Лимоновым — и «Новым русским словом» (опять-таки в лице главного редактора издания), а также о чисто эстетическом, вкусовом неприятии В. Максимовым прозы Саши Соколова, его нежелании печатать в «Континенте» тексты Э. Лимонова.

Эмигрантов «третьей волны» русская диаспора изначально встретила настороженно и почти враждебно: слишком велики были ментальные и поколенческие различия, слишком чужими казались вчерашние «советские». Отталкиваясь от тоталитарной идеологии и эстетики, проклиная их и ненавидя, третья эмиграция неизбежно несла в себе родовые черты советской ментальности, воспроизводила особенности советского культурного кода.

Представителям «третьей волны» приходилось выслушивать от западной общественности, от деятелей НТС в составе послевоенной эмиграции, что они скрытые агенты КГБ, «агенты влияния» Кремля или, напротив, агенты ЦРУ, желающие разрушения и гибели России. Между собой вчерашние друзья и коллеги, считавшиеся в СССР единомышленниками, в эмиграции также начинали с ожесточением выяснять, кто из них тайный или явный агент госбезопасности. Е. Эткинд и В. Максимов на протяжении многих лет взаимно подозревали друг друга; в «Русской мысли» и «Континенте» не раз появлялись высказывания о сотрудничестве с КГБ Андрея Синявского и его супруги Марии Розановой (шлейф этих обвинений потянулся затем уже в пе-

---

[7] Третья волна. The third wave / Третья волна: русская литература в эмиграции. Материалы конференции в ун-те Южной Калифорнии, состоявшейся 14—16 мая 1981 года / Ann Arbor, 1984. С. 33.

рестроечную и постперестроечную Россию). В целом атмосфера взаимной подозрительности, поиски врага были весьма характерны как для политической, так и для творческой среды третьей эмиграции. Со стороны русской диаспоры в целом их уделом нередко становилась изоляция.

Наиболее доверительные, тесные контакты с представителями «белой» и послевоенной эмиграции сложились у Александра Солженицына (и в связи с публикацией книги «Архипелаг ГУЛАГ», и на фоне призывов писателя собрать и сохранить документальные свидетельства старых эмигрантов). Владимир Максимов (не без влияния А. Солженицына) также настойчиво стремился к объединению всех трех «волн» русской эмиграции: например, пропагандировал деятельность благотворительного «Толстовского фонда» и материально поддерживал его; состоял в переписке с Романом Гулем и Андреем Седых, дружил с Леонидом Ржевским; печатал на страницах «Континента» произведения И. Елагина и В. Перелешина, Ю. Иваска и И. Чиннова.

Представители всех поколений русской литературной эмиграции начиная с В. Ходасевича и Г. Иванова жаловались на крайне «разреженную» среду читателей, на отсутствие профессиональной литературной критики, а также сталкивались со значительными ментальными проблемами, испытывали финансовые трудности. В связи с «третьей волной» любопытно и уместно привести высказывание Виктора Перельмана, редактора журнала «Время и мы», издававшегося в 1970—1980-е гг. в Иерусалиме и Нью-Йорке. В статье «О теле и духе, или О нашей эмиграции» он писал: «Вся история журнала “Время и мы” или, скажем, литературные судьбы таких блестящих писателей, как Саша Соколов, Борис Хазанов, Фридрих Горенштейн, — есть, в сущности, повторение судеб лучших писателей первой эмиграции и еще одно подтверждение трагической судьбы, которую снова переживает русская литература в изгнании»[8].

Выполнение важной и осознанной миссии сочеталось внутри каждого поколения русской эмиграции с нешуточной враждой и групповой борьбой. Применительно к «третьей волне» это был, с одной стороны, непримиримый конфликт между «Континентом» и «Синтаксисом» (а значит, между В. Максимовым и супругами Синявскими), а с другой — между А. Солженицыным и лево-либеральным крылом диссидентского движения. Столь же острым был и многолетний, тяжелый конфликт между А. Синявским и А. Солженицыным, влиявший на все русское эмигрантское сообщество.

Касаясь драмы отъезда, расставания с отечеством, важно подчеркнуть, что большинство эмигрантов «третьей волны» прежде никогда не были за рубежом (или смогли побывать только в социалистических странах); что в Германию, Францию, США и т.п. они отправлялись *навсегда*, теряя гражданство и лишаясь возможности когда-либо увидеться с близкими. В этом отношении разрыв с родиной был для

---

[8] *Перельман В.* О теле и духе, или О нашей эмиграции // Время и мы. Нью-Йорк—Иерусалим. 1985. № 84. С. 120.

них даже более экстремальным, чем для первой, послереволюционной эмиграции (у той хотя бы была надежда, что режим большевиков скоро рухнет). В материальном отношении эмигранты «третьей волны» были к пересадке на чужую почву совершенно не подготовлены, не имели в советской России никакого «состояния», движимого или недвижимого имущества, которое могло бы помочь им в первое время после пересечения границы. Так же как послереволюционным и послевоенным эмигрантам, многим из них пришлось расстаться с профессией, биться за выживание, а нередко и смириться с положением маргиналов.

И все-таки эмиграция «третьей волны» как политическое и культурное явление состоялась. Ее представителям удалось немало сделать в литературе и искусстве, в развитии общественной мысли. С середины 1970-х по начало 1980-х третья эмиграция набиралась опыта, сил, авторитета, создавала свои издательства и органы печати, утверждалась на университетских кафедрах. О ней все больше писали и говорили, с ней уже нельзя было не считаться. В конце 1970-х и в 1980-е гг. газета «Русская мысль» под руководством И. Иловайской широко освещала проблемы третьей эмиграции и диссидентское движение в СССР, по сути превратившись в рупор «третьей волны» эмиграции[9] (хотя, конечно, регулярно публиковались и материалы о жизни русской диаспоры в целом, вне зависимости от поколений).

Звездным часом третьей эмиграции можно считать присуждение Иосифу Бродскому Нобелевской премии по литературе (как в свое время нобелевское лауреатство И. Бунина было чрезвычайно значимым для статуса первой эмиграции).

Важнейшей трибуной «третьей волны» эмиграции стал ежеквартальный журнал «Континент», созданный при участии А. Солженицына и выходивший с 1974 по 1990 г. в Париже. Это был журнал, адресованный изначально не столько эмиграции, сколько читателям в СССР и угнетенным народам Восточной Европы. Характерной чертой издания была постоянная вовлеченность в проблемы советской неподцензурной культуры, в судьбы таких писателей, как Варлам Шаламов и Юрий Домбровский, Владимир Корнилов и Лидия Чуковская. В первых же номерах «Континента» были опубликованы повести В. Корнилова «Без рук, без ног» и В. Марамзина «История женитьбы Ивана Петровича». Начиная с четвертого номера журнал приступил к публикации глав из романа В. Гроссмана «Жизнь и судьба» — произведения, обреченного в СССР на вечный цензурный запрет и уничтожение.

С момента своего создания журнал приступил к публикации художественных произведений, публицистики, исторических и философских статей, поступавших из СССР и стран Восточной Европы по каналам самиздата. Нередко литераторы, подвергавшиеся цензур-

---

[9] См. подробнее об этом: *Скарлыгина Е.Ю.* Газета «Русская мысль» и третья русская эмиграция // Вестн. Моск. ун-та. Серия 10. Журналистика. 2008. № 1. С. 121—129.

ным запретам в СССР (такие, как Ф. Горенштейн, Г. Владимов, В. Войнович, В. Аксенов), сначала появлялись на страницах «Континента» именно как представители неофициальной русской культуры, гонимые на родине, а затем, после вынужденной или добровольной эмиграции, становились постоянными авторами и искренними друзьями журнала. Имена Василия Аксенова и Фазиля Искандера, к примеру, впервые можно обнаружить на страницах «Континента» в 1979 г. Сначала редколлегия предоставила писателям трибуну под рубрикой «Авторы "Метрополя" в "Континенте"», подробно сообщив во вступительной заметке об истории цензурного запрета текстов, составивших опальный альманах; затем в № 22—23 была опубликована повесть Ф. Искандера «Кролики и удавы», которая в Советском Союзе появилась только в период горбачевской перестройки. В дальнейшем на страницах «Континента» увидели свет повесть В. Аксенова «Свияжск» и главы из романа «Скажи изюм». Из неподцензурных изданий «Континент» представлял на своих страницах альманах «Московское время» (среди его авторов и участников — Сергей Гандлевский и Александр Сопровский), а также поэзию Виктора Кривулина и ленинградские неофициальные издания — такие, как журнал «37».

Тем не менее младшее поколение, склонное к формальному эксперименту и эстетическому поиску, мечтало о самостоятельном, независимом от «Континента» издании. Отчасти эта мечта воплотилась в журнале В. Марамзина и А. Хвостенко «Эхо», публиковавшем по преимуществу авторов ленинградского самиздата и почти полностью свободном от политики[10]. Большое число рукописей для «Эха», издававшегося в Париже в конце 1970-х — середине 1980-х, переправил по тайным каналам из СССР Давид Дар.

Подчеркнем еще раз: если «первая волна» стремилась по преимуществу продолжить на Западе развитие русской литературы классического, дореволюционного образца (будь то «золотой» или «серебряный» век нашей культуры), то с третьей эмиграцией часть советской (хотя и антисоветской по своему пафосу) литературы переместилась на Запад. Точнее назвать ее, как это делает М. Чудакова, «русской отечественной литературой советского времени»[11], в развитии которой наряду с «*печатным* литературным процессом» год от года нарастал «корпус *непечатного*»[12]. Принципиально важно, что в 1970—1980-е гг. на Запад выехали многие представители неофициальной, так называемой «второй культуры», которые никогда даже не предполагали публиковаться в СССР и не имели ничего общего с советской эстетикой. Им были близки авангардные традиции русской культуры, поэзия В. Хлебникова и обэриутов, новейшие постмодернистские тенденции в западноевропейской литературе и эстетике. Среди таких авторов

---

[10] См.: *Скарлыгина Е.* Литературный журнал в эмиграции: Парижское «Эхо» // Вестн. Моск. ун-та. Серия 10. Журналистика. 2004. № 6. С. 16—25.

[11] Чудакова М. Русская литература XX века: проблема границ предмета изучения // Studia Russica Helsingiensia et Tartuensia VI. Проблемы границы в культуре. Тарту, 1998. С. 197.

[12] Там же. С. 205.

можно назвать В. Марамзина и А. Хвостенко, А. Волохонского, И. Бокштейна, Е. Мнацаканову, Н. Бокова, Сашу Соколова.

Когда в конце 1980-х все прежде запрещенные тексты (созданные как на родине, так и в эмиграции) на волне «публикаторского бума» пришли к читателю, почти сразу обнаружилось, что объединить разные потоки русской культуры, воспринять их в целостности очень и очень трудно. В этой ситуации стало окончательно ясно, что культурная парадигма, в которой выросли и сформировались литераторы «третьей волны», эстетические критерии созданной ими прозы и поэзии изначально наиболее близки именно неподцензурной русской культуре, развивавшейся в 1960—1980-е годы в формах самиздата и тамиздата. Рассуждать о единстве *всей* русской литературы XX в. как о неопровержимом и свершившемся факте нам кажется по меньшей мере странным и методологически неверным. Соединить И. Шмелева, И. Бунина и В. Ходасевича с Ф. Гладковым, С. Бабаевским и Е. Исаевым, то есть с советским официозом, создававшимся на протяжении всех семи десятилетий, не удастся никогда.

Невозможно отрицать, что отечественная литература советского периода вплоть до конца 1980-х гг. также находилась в расколе, была невероятно многослойной. Даже если рассматривать всю русскую словесность после 1917 г. (и в метрополии, и в эмиграции) как целостное явление, необходимо учитывать и соотносить развитие нескольких параллельных литературных процессов: русского зарубежья, официальной (легальной) советской и неподцензурной («потаенной») русской литературы. Все три (именно три, а не две, как принято считать) ветви представляли собой отдельные, самостоятельные грани русской художественной культуры XX в.

Поступила в редакцию
27.02.2008